С. И. Ковалев

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1

Проверка

ЛЕНИНГРАД

1947

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ВЕСТНИК
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Проверка

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

Библиотека Ленинградский Университет Общественных Наук
52546

№ 1

ЯНВАРЬ 1947

Отв. редактор проф. А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, чл.-корр. АН СССР проф. В. М. Жирмунский, проф. С. В. Калесник, акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов, проф. А. И. Молок, акад. В. И. Смирнов, проф. Б. А. Чагин (зам. отв. редактора), проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Щукарев

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД
1947

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Стр.

Проф. *К. Ф. Огородников.* Некоторые современные проблемы звездной динамики 5

Проф. *П. Н. Тверской.* Нерешенные вопросы физики облаков и осадков 17

Проф. *П. М. Горшков.* Замечательный вековой юбилей открытия планеты Нептун 32

Проф. *В. Н. Цветков.* Некоторые физические методы изучения структуры молекул полимера в растворе 51

Чл.-корр. АН СССР *С. Н. Данилов.* Главнейшие черты современной органической химии и роль школы Бутлерова — Фаворского в ее развитии . 103

Проф. *М. Ю. Бортник.* Современные крупнейшие государства-рантье — США и Англия 127

Проф. *Л. П. Якубинский.* Образование народностей и их языков 139

Авторефераты

В. А. Чесноков. Удобрение растений углекислым газом (Докторская диссертация) 154

Е. И. Наумов. Маяковский и литературное движение 1917—1922 гг. (Кандидатская диссертация) 160

Из истории Ленинградского университета

Проф. *В. Е. Евгеньев-Максимов.* Н. А. Некрасов и Петербургский-Ленинградский университет (статья вторая) 166

Personalia

Доц. *В. И. Беляев.* Академик И. Ю. Крачковский 179

Проф. *А. П. Шенников.* Профессор И. Д. Богдановская-Гиенэф (К 60-летию со дня рождения) 183

Канд. *К. М. Колобова* и проф. *В. В. Мавродин.* Профессор С. И. Ковалев (К 60-летию со дня рождения) . . 185

CONTENTS

Articles

Page.

Prof. *C. Th. Ogorodnikov.* Some Modern Problems of Stellar Dynamics . . 5

Prof. *P. N. Tverskoy.* Unsolved Problems in the Physics of Precipitation and Clouds 17

Prof. *P. M. Gorshkov.* A Remarkable Secular Anniversary of the Discovery of the Planet Neptune 32

Prof. *V. N. Tsvetkov.* Some Phisical Methods of Studying the Structure of Polymer Molecules in Solution 51

Corresp. Mem. of the Academy of Sciences of the USSR *S. N. Danilov.* The Main Features of Modern Organic Chemistry and its Role in the Development of the Butlerov—Favorsky School 103

Prof. *M. J. Bortnik.* United States of America und Great Britain — the Biggest Rentier Countries of today. 127

Prof. *L. P. Iacoubinsky.* The Formation of Nationalities and of their Languages 139

Authors' Summaries

V. A. Tchesnokow. The Aerial Fertilization of the Land with Carbon Dioxide (a thesis for a dortor's degree) . 154

E. I. Naumov, Mayakovsky and the Literary Movement of 1917—1922 (a thesis for candidate degree) 160

From the History of the Leningrad University

Prof. *V. E. Eugenev-Maximov.* Nekrasov and the St-Petersbourg-Leningrad University (2-nd Article) 166

Personalia

Docent *V. I. Beliaev.* Acad. J. I. Kratchkovsky (for the 25th Anniversary of the Election to the Membership of the Academy of Sciences of the USSR) 179

Prof. *A. P. Shennikow.* Professor I. D. Bogdanovskaja-Guienef (for the 60th Anniversary of her Birth) 183

Cand. *K. M. Kolobova* and prof. *V. V. Mavrodin.* Professor S. I. Kovalev (for the 60th Anniversary of his Birth) 185

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Проф. В. Е. Евгеньев-Максимов

Н. А. НЕКРАСОВ И ПЕТЕРБУРГСКИЙ-ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

(Статья вторая)

Н. А. Некрасов, покинув университет, вольнослушателем которого он был с 1839 по 1841 г., всецело отдался литературной работе в журналах — сначала в «Литературной газете», затем в «Отечественных Записках», наконец в «Современнике».

Работа Некрасова в «Современнике», начавшаяся в самом конце 1846 г. (в это как раз время «Современник» перешел в его руки), продолжалась в течение 20 лет, вплоть до июня 1866 г., когда «Современник» был запрещен по «высочайшему повелению». В эти годы, хотя контакт Некрасова с университетом, как учреждением, и не возобновлялся, но с университетской профессурой, а затем и с университетским студенчеством он поддерживал постоянное общение.

Прежде всего следует отметить, что «Современник» перешел в руки Некрасова от П. А. Плетнева, бывшего не только профессором, но и ректором университета. Факт этот сам по себе не имеет особого значения, но если учесть, что Плетнев, передав свой журнал в аренду Некрасову и Панаеву, сохранил на него собственнические права, и Некрасову в силу этого приходилось поддерживать с ним и личное знакомство и деловые сношения, то отсюда вытекает, что Плетнев в какой-то, пусть незначительной мере, служил связующим звеном между ним и университетом.

Если собственник «Современника» был университетским профессором, то другой университетский профессор был первым редактором «Современника». Мы имеем в виду А. В. Никитенко. Нельзя, разумеется, отрицать, что функции Никитенко, как редактора «Современника», были специфичны, и его приглашение на пост редактора журнала было вызвано «особыми соображениями», но все же игнорировать факт его почти полуторагодового редакторства в «Современнике» отнюдь не приходится. Никитенко приглашен был редактором «Современника» прежде всего потому, что пользовался, как профессор университета и, в особенности, как цензор С.-Петербургского комитета, репутацией «благонамеренного» лица. Некрасов же и Панаев, тем более Белинский, таковой репутацией не пользовались и никаких шансов на утверждение редакторами «Современника» не имели. Роль Никитенко в редакции «Современника» сводилась, преимущественно, к тому, что он оценивал предназначенный для помещения в журнал материал, главным образом, с цензурной стороны. И тем не менее совершенно ясно, что Никитенко в известной степени укреплял связь

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве http://history.museums.spbu.ru/

«Современника» с университетской профессурой. В письмах к нему Некрасова нередко фигурируют фамилии университетских профессоров, — то братьев Куторг (С. С. и М. С.), то И. И. Срезневского. В одном из писем Некрасова от 19 ноября 1847 г. содержится просьба к Никитенко поговорить с М. С. Куторгой о сотрудничестве: «пускай бы М[ихаил] С[еменович] написал... статью, которая хоть была бы и не очень горазда, да похожа на дело, — мы бы, дескать, таковую с удовольствием...». Куторга был только одним из многих университетских профессоров, привлеченных к сотрудничеству в «Современнике». Кроме него, в некрасовском журнале деятельно сотрудничало немалое количество представителей различных университетских дисциплин, в том числе представителей выдающихся.

Не задаваясь целью дать их исчерпывающий перечень, напомним только имена некоторых, чье сотрудничество относилось к начальному периоду «Современника», т. е. тому периоду, когда журнал становился на ноги и, следовательно, особенно нуждался в авторитетных сотрудниках.

Одним из первых должно быть названо имя В. А. Милютина, который поместил в «Современнике» 1847 г. три больших статьи об экономических работах Бутовского и две о Мальтусе. Значение этих статей в том, что в них дано обстоятельное и в то же время достаточно популярное изложение «главных моментов развития экономической науки». В частности, ни один сотрудник «Современника» этих лет не говорил об утопическом социализме так подробно, так обоснованно, а вместе с тем в таком серьезном и приязненном тоне, как Милютин. Статьи Милютина давали русскому читателю 40-х годов информацию о том, чего хотят и к чему стремятся столь ненавистные охранителям «новейшие школы» в экономической науке.

Наряду со статьями по истории и политической экономии (Куторга, Милютин), университетские профессора снабжали «Современник» статьями естествоведческого содержания. Так, в некрасовском журнале печатался П. А. Ильенков, товарищ Некрасова и по ярославской гимназии, и по университету. Среди его работ, помещенных в «Современнике», должна быть выделена большая работа «О химических исследованиях в области физиологии».

Один из известнейших русских математиков В. Я. Буняковский дал «Современнику» статью «О возможности введения определительных мер и доверия к результатам некоторых наук наблюдательных и преимущественно статистики». Несмотря на свой специальный характер, она представляла интерес и для литературного журнала, так как вполне оправдывала следующую характеристику трудов знаменитого академика: «самые трудные и с первого взгляда сухие истины... облекались им в такие привлекательные формы, излагались таким прекрасным языком, что приковывали к себе внимание...».

Как ни значителен был вклад в «Современник», сделанный немногими названными и многими неназванными здесь научными работниками университета, его ценность на много уступает тому, что «Современник» получил от гениального питомца университета — Н. Г. Чернышевского. Конечно, было бы заблуждением думать, что духовный облик Чернышевского полностью сформирован университетом. Само собой разумеется, что Чернышевский сыграл в истории русской общественности, науки и литературы столь исключительную роль благодаря и своему феноменальному уму, и своим недюжинным литературным способностям, и, наконец, тому, что, впитав наиболее передовые

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве http://history.museums.spbu.ru/

идеи эпохи, он сумел придать им форму стройного, обоснованного мировоззрения, которому не изменял до конца дней своих, за претворение в жизнь которого боролся и как теоретик, и как практический деятель. Все это так, но все же совсем отрывать Чернышевского от университета было бы более чем несправедливо. Четыре года, проведенные Чернышевским в стенах университета, оставили значительный след в его духовном развитии; а затем не следует забывать, что университет дал ему диплом об окончании высшего образования и ученую степень магистра. Во всяком случае, после того как Чернышевский стал руководящим сотрудником «Современника», связи некрасовского журнала с университетом не только не ослабели, а скорее упрочились. Уже одно привлечение к сотрудничеству в «Современнике» двоюродного брата Чернышевского, а вместе с тем крупного научного, в частности университетского работника А. Н. Пыпина, было немаловажным событием. Тем более немаловажным, что впоследствие Пыпину было суждено стать одним из соредакторов Некрасова по «Современнику».

Нет никакого сомнения в том, что популярность «Современника» среди университетского студенчества была, в значительной степени, создана Чернышевским — сначала его статьями, вызывавшими исключительное сочувствие среди прогрессивной части студентов, а впоследствии и личными связями Чернышевского с молодежью.

В результате, когда в университете начались волнения и реакционная печать стала выливать на головы студентов целые ушаты грязи, «Современник» взял на себя их защиту, причем вел ее настойчиво, последовательно и в высшей степени доказательно. Конечно, главная роль в данном случае принадлежала Чернышевскому, но Чернышевский едва ли мог бы достичь в этом деле таких результатов, если бы не чувствовал за собой мощной поддержки Некрасова. «Только благодаря его великому уму, — писал Чернышевский К. Т. Солдатенкову о Некрасове в 1888 г., т. е. уже незадолго до смерти,—высокому благородству души и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать, как я писал. Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ее, но все мои заслуги — его заслуги». Сказанное здесь должно быть целиком отнесено и к тому, что Чернышевский писал в «Современнике» о студенческих делах.

Так как позиция некрасовского журнала в отношении этих последних еще недостаточно изучена, то на ней следует остановиться особо.

Вслед за решением крестьянского вопроса, вызвавшим острое недовольство и в крестьянских массах, и среди представителей передовой общественности, в частности среди студенчества, правительство Александра II явно вступает на путь реакции. В течение всего почти 1861 г. цензура жестоко теснит передовую печать, и прежде всего «Современник». Характерно, что одним из поводов к цензурным атакам против «Современника» в марте 1861 г. послужила статья Чернышевского «Предисловие к нынешним австрийским делам». Ей инкриминировалось описание участия венских студентов в революционном движении 1848 г.

Еще более испугали цензуру помещенные в июльском и августовском номерах того же года «Записки Лоренцо Бенони» Руффини. Член Главного управления цензуры Берте доносил о них в весьма одиозном тоне. „Перевод «Записок», — писал он, — знакомит читателя со способом революционного воспитания, которому подвергся автор... Особенно страстно клеймит автор закрытие университетов Туринского и Генуэзского...".

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

«Записки Лореицо Бенони» были напечатаны в «Современнике» еще до закрытия Петербургского университета и до введения матрикулов, но донесение Берте было помечено как раз 23 сентября, т. е. днем закрытия университета. Это позволяет думать, что Берте составлял свое донесение, находясь под непосредственным впечатлением от этих событий.

Все усиливавшийся и усиливавшийся обстрел «Современника» цензурой не повел к изменению его позиции в студенческом вопросе. В сентябрьском номере журнала в неподписанной статье „Студенты перед судом «Светоча»" давалась суровая отповедь «Светочу» за его попытку в связи с протестами студентов против реакционных правительственных правил ошельмовать их с помощью пошло-обывательских рассуждений, что студенты заняты де не столько учением, сколько выпивкой и франтовством.

В ноябрьском номере «Современника» к студенческим делам обращается Г. З. Елисеев. Высказываясь против «репрессивных мер» правительства, Елисеев заявляет, что „приходит пора, наконец, когда мы начинаем чувствовать в себе силу, достаточную для того, чтобы сопротивляться стороннему внешнему насилию и стеснению".

Однако самое мужественное и вместе с тем и принципиальное выступление «Современника» в защиту студентов относится не к 1861, а к 1862 г.

Мы имеем в виду знаменитую статью Чернышевского «Научились ли?» в апрельском номере журнала. Внушительно и веско доказывал в ней Чернышевский, что ни в закрытии университета, ни в прекращении лекций в „так называемом «вольном университете» студенты не виноваты, а если их в этом обвиняют люди, подобные автору статьи в «СПб. Ведомостях» «Учиться или не учиться?», то исключительно или по незнанию обстоятельств дела, или по недомыслию, или по недобросовестности. Университет был закрыт благодаря тому, что пресловутые «правила» ставили студентов «в положение малых ребят», и протест против них со стороны студентов был совершенно естественен и неизбежен... Прекращение лекций в вольном университете также произошло не по вине студентов.

Заявив это, Чернышевский добавлял, что он предлагает „безыменному автору статьи в «СПб. Ведомостях» лично, но в присутствии свидетелей объясниться с ним по этому делу в целях выяснения истины". Когда автор статьи, оказавшийся второстепенным публицистом правого лагеря А. В. Эвальдом, согласился на это объяснение, то оно окончилось полнейшим его поражением, и он должен был подписать особый акт, устанавливающий, что прекращение лекций произошло не по вине студентов: «не господа студенты участвовали в прекращении публичных лекций» [1] Из всего изложенного явствует, что Чернышевскому в его статье блестяще удалось защитить студентов от несправедливых нареканий со стороны реакционеров..

---

[1] История и обстоятельства этого интереснейшего эпизода освещены самим Эвальдом в его «Литературных воспоминаниях» («Историч. Вестн.» 1895, № 12), затем присутствовавшим при разбирательстве М. А. Антоновичем в «Материалах для биографии Н. Г. Чернышевского» («Минувшие годы» 1908, № 5 — 6). Чернышевский аргументировал во время своего объяснения с Эвальдом ссылками на имевшиеся у него письма 14 профессоров, из которых явствовало, что они решили прекратить лекции еще до скандала на лекции Н. И. Костомарова. Таким образом выходило, что инициатива прекращения лекций шла от профессоров, крайне недовольных только что состоявшейся ссылкой профессора Павлова.

Материалы Музея истории Петербургского университета в виртуальном пространстве http://history.museums.spbu.ru/

Этого, однако, ему показалось мало: он использовал свою статью для жестокой критики создавшегося в России политического положения. Сославшись на слова Эвальда о том, что русское общество хочет учиться, о чем свидетельствуют де «сотни новых журналов, десятки воскресных школ», он прямо говорит, что сотен журналов, столь необходимых для нас, нет и быть не может «потому, что по нашим цензурным условиям невозможно существовать сколько-нибудь живому периодическому изданию нигде, кроме больших городов», что, с другой стороны, хотя у нас и имеются десятки воскресных школ, вместо десятков тысяч, в которых чувствуется настоятельная потребность, но эти десятки «подозреваются, стесняются, пеленаются, так что у самых преданных делу преподавания в них людей отбивается охота преподавать». Полемическое замечание Эвальда о том, что «послушаешь крики на улицах, скажут, что вот там-то случилось то-то, и поневоле повесишь голову», Чернышевский парирует следующим вопросом: «Позвольте, какие крики слышите вы на улицах? Крики городовых и квартальных. Эти крики и мы слышим. Про них ли вы говорите?» — «Скажут, что вот там случилось то-то, а здесь вот то-то, что же такое, например? Там случилось воровство, здесь превышена власть, там сделано притеснение слабому, здесь оказано потворство сильному, — об этом беспрестанно говорится». Наконец, отправляясь от указания Эвальда на то, что студенты прибегают к «уличным орудиям» борьбы, т. е. к «свисткам и моченым яблокам», Чернышевский пишет: „свистки и моченые яблоки употребляются не как «уличные орудия»: уличными орудиями служат: штыки, приклады, палаши; [1] пусть вспомнит автор статьи, студентами ли употреблялись эти уличные орудия против кого-нибудь, или употреблялись они против студентов, и пусть скажет, если может, была ли нужда употреблять их против студентов?"

Нет надобности распространяться, что картина русской жизни, созданная здесь Чернышевским, поражая своею безотрадностью, свидетельствовала в то же время о том, что Николай Гаврилович умел говорить с исключительной смелостью.

Статья «Научились ли?» — последняя публицистическая статья Чернышевского в «Современнике».

Когда в середине 1862 г. правительство Александра II на 8 месяцев приостановило «Современник», а вслед за тем арестовало Чернышевского, то эти репрессии были, конечно, вызваны общим направлением журнала, но в какой-то мере они должны быть поставлены в связь и со статьями «Современника» по студенческому вопросу.

У Некрасова мы не находим прямых, непосредственных откликов на студенческое движение рассматриваемого времени. Однако можно сказать с уверенностью, что он был солидарен со своими сотрудниками в их отношении к молодежи, в том числе и к университетской молодежи.

Еще в 1859 г. в шуточной «трагедии» «Забракованные» он не без сочувствия изобразил сына дьячка и сына уездного приказного, прова-

---

[1] Прямой намек на применение воинской силы для разгона сходок и ареста участвовавших в них студентов.

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

лившихся на вступительных экзаменах в университет. В «трагедии» временами звучат автобиографические ноты. Очевидно, Некрасов вспоминал пережитое им самим в 1839 г., когда писал об одном из своих героев:

Питаясь чуть не жестию,
Я часто ощущал
Такую индижестию,
Что умереть желал.
А тут ходьба далекая...
Я по ночам зубрил;
Каморка невысокая,
Я в ней курил, курил!
Лежали книги кучею
Одни передо мной,
Да дым носился тучею
Над тусклою свечей.
Способности усталые
Я утром освежал:
Без чаю с Охты Малыя
На Остров пробегал.....

Не забудем, что в период подготовки к экзаменам и держания экзаменов Некрасов жил на Малой Охте, а университет находился на Васильевском острове.

Однако интерес «Забракованных» не в автобиографических нотах, а в том, что всем содержанием своей пьесы автор говорит, что единственное спасение провинциальной разночинной молодежи и от физической и от моральной гибели — поступление в высшее учебное заведение, и глубоко неправы суровые экзаминаторы, заграждающие ей путь в университет.

За строгость не получите
Профессорский диплом,
Лишь бедняков отучите
За сотни верст пешком
Итти толпой голодною
На берега Невы
С надеждой благородною
К развитью головы....

Однако, несмотря на все препоны, разночинная молодежь заполняла университеты и другие высшие учебные заведения, образуя в составе студенчества наиболее передовую его часть. Выработался тип студента-«нигилиста». Некрасов был одним из немногих художников слова, запечатлевшим этот тип не в прозе, а в стихах. Почему-то очень редко цитируются следующие замечательные строки из его стихотворения «Газетная», из которых, между прочим, следует, что в роковом конфликте «отцов» с «детьми» поэт всецело был на стороне последних.

«Дети, дети» (старик омрачился)
Воздух, что ли, такой уж теперь —
Утешения в собственном сыне
Не имею... Кто б мог ожидать?
Никакого почтения к святыне!
Спорю, спорю! Не раз и ругать
Принимался, а втайне то плачешь.
Я однажды ему пригрозил:
«Что ты бесишься? что ты чудачишь?
В нигилисты ты, что ли, вступил?».
— Нигилист — это глупое слово,
Говорит, но когда ты под ним
Разумел человека прямова,

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Кто не любит живиться чужим,
Кто работает, истины ищет,
Не без пользы старается жить,
Прямо в нос негодяя освищет,
А при случае рад и побить —
Так, пожалуй, зови нигилистом,
Отчего и не так! — Каково?
Что прикажете с этим артистом....

Характерно, что юноша, изображенный здесь, не решается поступать в студенты, так как опасается, что в университете его назовут «сыном палача», намекая этим выражением на то, что отец его—цензор.

«Нигилисты», по Некрасову, не только прямые, честные, умеющие постоять за себя люди. Они восприимчивы к идеям политического и социального раскрепощения масс. Из них создаются кадры революционно настроенных деятелей. А создание кадров революционно настроенных деятелей Некрасов считал одной из насущных задач момента. С этой целью он не останавливается даже перед прямыми революционными призывами. Он не устает твердить российским «Еремушкам», т. е. представителям молодого поколения, что они должны проникнуться «необузданной, дикой к угнетателям враждой» и —

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянуть божьею грозой!

«Песня Еремушке» производила огромное впечатление на молодежь и вскоре стала боевым гимном революционных шестидесятников.

В «Послании Тургеневу», не предназначавшемся для печати, — и именно потому, что оно не предназначалось для печати, — тот же мотив выражен еще ярче:

Кому назначено орлом
Парить над русским миром
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,
Кто на смерть был готов итти
За страждущего брата,
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата.
Непримиримый враг цепей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей,
На дне ее свобода!

И «Песня Еремушке», и «Послание Тургеневу» — это стихотворения 60-х годов. В 70-е годы, когда революционное движение в России и расширилось, и углубилось, некрасовские призывы принимают несравненно более конкретную форму, как это, например, видно из следующего, опять-таки не предназначенного к печати стихотворения:

Что сидишь ты сложа руки?
Ты окончил курс науки,
Любишь русский край.
Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно, —
Что же, начинай!
Иль тебе все мелко, низко?
Или ждешь труда без риска?
Времена не те!
В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Выражение «ты окончил курс науки» с полной отчетливостью свидетельствует, что мысль поэта и в данном случае была прикована к молодежи, получившей если не университетское, то во всяком случае высшее образование.

Некрасов очень хорошо понимал, что «начинать» — это значит подвергнуться «риску». Общественная действительность 60-х и 70-х годов постоянно давала ему примеры беспощадной расправы правительства с революционной молодежью. Поэтическое творчество Некрасова полно горькими откликами на тяжкие жертвы, которые несла революционная молодежь в борьбе с правительством.

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел:
Подле лица — молодого прекрасного
С саблей усач-негодяй...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай! —

читаем в стихотворении 1863 г. «Благодарение господу богу».

Тот же мотив — в стихотворении 1868 г. «Еще тройка».

Сюда же относятся такие стихотворения, как хотя бы «Приметы»:

Видно вновь в какой нелепости
Молодежь уличена, [1]
На квартиры возле крепости [2]
Поднимается цена.
Каждый день старушки бледные
Наезжают в гости к нам
И берут лачужки бедные
По неслыханным ценам...

Некрасов превосходно понимал, что самоотверженные усилия революционно настроенной молодежи только тогда не останутся безрезультатными, когда будут поддержаны широкою общественностью. Такой именно смысл имеет стихотворение «Молодые лошади». Рассказав о том, как «молодые лошади», в тщетных попытках сдвинуть сошедший с рельс «полный громадный вагон», [3] «надорвались и упали», — Некрасов восклицает:

О, поскорее на рельсы!... Страшна
Тяжесть сошедшего с рельсов вагона.

Правительство Александра II чрезвычайно боялось того, чтобы общество не стало на сторону революционной молодежи. Об этом, между прочим, свидетельствовал циркуляр министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого от 24 мая 1875 г., в котором говорилось, что «дети и юноши вместо того, чтобы найти в окружающей их среде и в своих семействах отпор преступным увлечениям и политическим фантазиям, встречают иногда, напротив того, одобрение и поддержку... Как обнаружило судебное исследование, некоторые отцы и матери подбивали к ним своих детей... Это явление гораздо прискорбнее самой пропаганды!»

---

[1] Выражение это, неуместное в устах сочувствовавшего молодежи поэта, вполне было уместно в устах обывательницы-квартирохозяйки, монологом которой и является стихотворение «Приметы».

[2] Здесь речь идет о Петропавловской крепости — месте заключения политических преступников».

[3] Под «вагоном» имеется в виду «Россия».

История санкт-петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Циркуляр министра вдохновил поэта на создание стихотворения «Напутствие», которое он предполагал включить в текст поэмы «Современники». В нем остроумно и ядовито высмеяны попытки реакционеров привлечь молодежь на свою сторону.

«Были вы вчера студенты,
Ныньче — граждане!» гласит
Дослужившийся до ленты
Старичок: — «Да сохранит
Вас судьба в житейской битве,
На прощанье повторю:
Путь спасения — в молитве
И в покорности царю!
Будьте, юноши, степенней,
Ретроградней отцов!
Есть ли в мире, что презренней
Агитаторов — глупцов?
Ваши сестры, ваши братья,
А нередко и отцы —
Распростерли им объятья,
Уготовали венцы!
Всюду — страшно молвить даже —
Им поддержка, им почет...
Стань же, юноша, на страже!
Будь отечества оплот!
Будь семьи руководитель,
Злу не дай торжествовать.
Заблуждается родитель —
И родителя попять!...
Блага жизни вам дадутся,
Лишь нейдите по стопам
Тех, что дерзко предаются
Анархическим мечтам!
Им готовит провиденье,
Вместо власти и венца,
Одиночество, забвенье
И — изгнанье без конца»...

Это «изгнанье без конца», жертвой которого суждено было сделаться сотням и тысячам представителей и представительниц молодого поколенья, внушило Некрасову мысль назвать Сибирь «Вестминстерским аббатством» (стихотворение «Есть и Руси чем гордиться»...).

Любовь Некрасова к молодежи отнюдь не была любовью без взаимности. Можно было бы при желании привести очень значительное количество фактов, подтверждающих, что молодежь, видевшая в Некрасове подлинно великого поэта, отражавшего в своем творчестве наиболее передовые идеи современности, идеи, которым она всецело сочувствовала, — не просто любила Некрасова, а преклонялась, благоговела перед ним. Думается, что в такого рода подтверждениях нет надобности, но зато совершенно необходимо остановиться на истории составления и поднесения Некрасову адреса студентами Петербургского университета.

Начнем с того, что приведем повествующие об этом воспоминания составителя адреса университетского студента Александра Генриховича Штанге.[1]

---

[1] А. Г Штанге, стяжавший себе широкую известность в качестве организатора кустарных артелей в с. Павлове Нижегородской губ., написал воспоминания о составлении и поднесении адреса по моей усиленной просьбе. Эти воспоминания были напечатаны мною четверть века тому назад на страницах журнала «Книга и революция» (1921, № 2/14), составляющего теперь библиографическую редкость.

Электронный архив библиотеки СПбГУ
http://history.museums.spbu.ru/

„Это был последний год моего пребывания в Петербургском университете. С этим последним временем студенческой жизни в Петербурге у меня связаны воспоминания о демонстрации на Казанской площади, с речью Плеханова, с поднятым на руки крестьянским мальчиком в полушубке, державшим в руках красное знамя с надписью «Земля и воля». Помню последовавшее затем жестокое избиение демонстрантов дворниками и извозчиками, кричавшими, что это «поляки бунтуют»...

„Обо всем этом говорю, чтобы напомнить, какое это тровожное было время. Реакция свирепствовала. Студенчество волновалось. И в таком настроении весть о тяжкой болезни любимого поэта не могла не найти отзвука в студенческих сердцах.

„Тогда уже, если не ошибаюсь, ходило по рукам стихотворение Некрасова, которое я, при всей своей плохой памяти, запомнил с того времени, кроме одного стиха:

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Разгулялися страсти жестокие. [1]
Вихри злобы и бешенства носятся
Над тобою, страна безответная,
Все живое, все честное косится,
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака тобою разлитого,
Как враги торжествуя скликаются.
Так на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются.

„Вот в это мрачное время пришлось мне прочитать стихотворение Некрасова, в котором он, ожидая смерти, говорил: «ничьего не прошу сожаления, да и некому будет жалеть». [2]

„Под впечатлением этих стихов в тяжкой болезни Некрасова у меня сложился адрес ему от студенчества.

„Под адресом этим я стал собирать подписи студентов в университете и решил воспользоваться с тою же целью студенческим вечером медичек в зале Кононова.

„Там я читал адрес и собирал подписи.

„На том же вечере студенты поймали какого-то шпика и собирались его поколотить. Распорядители, в числе которых был и я, во избежание избиения шпика, которое могло окончиться очень печально для женских медицинских курсов, спрятали его под прилавок буфета, а потом выпроводили.

„Подписанный адрес понесли от университета я и еще один студент, фамилию которого не помню, и студент-медик Дехтерев, впоследствии психиатр, ныне уже умерший.

„Пришли мы на квартиру Некрасова, на Литейном, днем. Нас ввели через зал в большую комнату, если не ошибаюсь, кабинет Некра-

[1] В автографе Некрасова эта строчка читается так: «Но разнузданы страсти жестокие».

[2] Эти слова из стихотворения «Скоро стану добычею тленья», входящего в текст «Последних песен» и напечатанного в № 1 «Отечественных Записок» за 1877 г. В «Отечественных Записках» его, без сомнения, и прочел А. Г. Штанге.

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сова. Там у стены, не помню на кровати или кушетке, под голубым шелковым одеялом, лежал Николай Алексеевич, бледный, изможденный.

„Так, полулежа, он нас и принял.

„Я очень волновался, и адрес прочел Дехтерев.

„Вот этот адрес:

«Прочли мы твои „Последние песни", дорогой наш любимый Николай Алексеевич, и защемило у нас сердце: тяжело было читать про твои страдания, невмоготу услышать твое сомнение: „да и некому будет жалеть". Себялюбив, правда, тот род, которому ты лирой своей не стяжал блеска, и не он тебя пожалеет. Темен народ наш и не скоро еще узнает тебя. Но зачем же забыл ты нас, учащуюся русскую молодежь? Много, правда, темных сторон найдешь ты в нас, но несем мы в сердцах могучую, святую любовь к народу, ту любовь, что уж многим стоила свободы и жизни.

«Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, певец его горя и страданий; мы пожалеем того, кто зажигал в нас эту могучую любовь к народу и воспламенял ненавистью к его притеснителям.

«Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья.

«Знай же, что ты не одинок, что взлелеет и возрастит семена эти всей душой тебя любящая, учащаяся молодежь русская». [1]

„В ответ, слабым голосом, слегка нараспев, растягивая стих, прочел нам Николай Алексеевич свое стихотворение:

Вам, мой дар ценившим и любившим,
Вам, остаток чувства сохранившим
В черный год, простертый надо мной,
Посвящаю труд последний мой.
Я завету Русского народа
Верен: а и в горе жить
Не кручинну быть,
И больной работаю полгода.
Я трудом смягчаю свой недуг,
Ты не будешь строг, читатель-друг... [2]

„Прочитав, он подарил нам на память это стихотворение, написанное им на большом листе бумаги.

„Дальнейший разговор не сохранился у меня в памяти.

„Насколько помню, мы не садились. Во время чтения адреса и стихотворения у камина стояла молодая женщина, очень печальная. Вероятно, это была «Зина» его стихотворений.

„Мы опасались, что наше присутствие беспокоит больного, и, получив стихотворение, простились и ушли.

„Подаренное Николаем Алексеевичем стихотворение было вывешено в студенческой библиотеке университета и, как мне передавали впоследствии, при закрытии библиотеки было отобрано полицией".

Как реагировал Некрасов на отношение к нему и его творчеству студентов Петербургского университета, видно из рассказа Г. З. Елисеева, рассказа, вырезанного из «Внутреннего Обозрения» «Отечественных Записок» (1878 г., № 1) цензурой:

---

[1] Адрес студентов Некрасову был впервые напечатан нами в «Студенческом номере» газеты «День» (1913 г., № 331, от 6 декабря).

[2] Автограф этого стихотворения уцелел и хранится в ЛГУ.

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

„Когда, — пишет Елисеев, — я пришел предуведомить покойного, что к нему через час явятся три депутата от студентов с заявлением сочувствия ему и общей скорби студентов об его болезни, он, видимо, очень обрадовался. «Мне очень это приятно, — сказал он мне, — но я боюсь, чтобы это не было как-нибудь дурно истолковано для них, чтобы не вышло чего... Да и ах, Боже мой! Чем я их отблагодарю»... Я успокоил его, сказав, что студенты желают одного только, чтобы он их принял, чтобы они могли ему высказать свои чувства, а затем они будут довольны всем, что он ни даст им на память. Через несколько времени после этого пришли студенты... Приблизившись к постели Некрасова, один из студентов объяснил цель их прихода. Другой прочел краткую, заранее приготовленную речь, покрытую подписями студентов, в которой выяснялось значение поэзии Некрасова для России и молодого поколения. Третий сделал более пространный устный комментарий к прочитанной речи, который дышал задушевною привязанностью к поэту. Поэт был так тронут и взволнован, что обе речи слушал со слезами. Я уверен, что он переживал в это время лучшие минуты в своей жизни и не могу не прибавить к этому, что счастливая мысль молодого поколения заявить свое сочувствие больному поэту была лучшим лекарством для него. Она умиротворила его мятущуюся душу, дав ему ясно уразуметь, что враги его напрасно ликовали, что за него Россия и ее молодое поколение"...

Проставленная поэтом под автографом подаренного студентам стихотворения дата «1 февраля 1877 года» позволяет утверждать, что поднесение адреса студентами имело место не раньше начала февраля.

Получаемые отовсюду изъявления общественного сочувствия, в том числе, конечно, и поднесение студенческого адреса, обусловили «высокий подъем духа, который произошел в Николае Алексеевиче за это время... При всей скрытности своего характера и необыкновенном умении владеть собой, он не мог не выражать ясно, как все эти манифестации его трогали и возвышали в собственных глазах» (Белоголовый).

Вернулся и поэтический дар: Некрасов сочинил такие выдающиеся вещи, как поэма «Мать» и стихотворение «Баюшки баю», не говоря уже о нескольких мелких стихотворениях.

Но увы! Смерть стерегла намеченную жертву, и 27 декабря 1877 г. (8 января 1878 г. по новому стилю) Некрасов скончался. Смерть и похороны Некрасова послужили поводом к новому взрыву общественных симпатий к нему, причем и в этом случае не последнюю роль играло студенчество Петербургского университета, принявшее самое широкое участие в похоронах поэта.

В реакционные 80-е годы о Некрасове, этом вдохновенном поэте революционной демократии, звавшем общество к борьбе за лучшее социальное будущее, вспоминали сравнительно редко, но студенчество неизменно чтило его память. Редкий студенческий литературно-музыкальный вечер обходился без чтения его стихов; редкая вечеринка обходилась без пения его песен, среди которых наибольшей популярностью пользовались, с одной стороны, «Назови мне такую обитель»..., с другой — «Ой, полным полна коробушка».

То же самое приходится сказать и о 90-х годах.

Двадцатипятилетие смерти Некрасова, исполнившееся в 1902 г., ознаменовано было в нашем университете специальным заседанием «Бесед студентов Историко-филологического факультета (так назывались

История Санкт-Петербургского университета
в материалах и документах
http://history.museums.spbu.ru/

студенческое научно-литературное общество, неизменным председателем которого был акад. А. С. Лаппо-Данилевский). На этом заседании автору этих строк, тогда еще студенту II курса, пришлось выступить с докладом о жизни и творчестве Некрасова. Доклад вызвал страстные споры, так как среди студентов была группа эстетствующих сторонников чистого искусства, которые заняли резко отрицательную позицию и в отношении поэзии Некрасова и в отношении докладчика, назвавшего Некрасова «великим народным поэтом». Однако огромное большинство присутствовавших студентов поддержало докладчика.

Что касается профессуры 900-х годов, то некоторые ее представители очень не жаловали Некрасова. В подтверждение могу привести такой факт: когда в 1904 г. я заявил проф. И. А. Шляпкину, заведующему кафедрой русской литературы, о желании посвятить свое курсовое (дипломное, как теперь принято их называть) сочинение поэзии Некрасова, то это вызвало резкий отпор с его стороны. Потребовалось вмешательство знавшего меня по «Беседам студентов Историко-филологического факультета» акад. А. С. Лаппо-Данилевского, чтобы заставить Шляпкина пойти на уступки. В конце-концов он согласился допустить курсовое сочинение о Некрасове, при условии, однако, что оно будет посвящено романтическим стихам сборника «Мечты и звуки», а не «рифмованной публицистике», как называл Шляпкин зрелое творчество Некрасова.

В советские времена популярность Некрасова в широких массах достигла исключительных размеров. Нечего говорить, что и университетская молодежь нашего времени видит в Некрасове одного из любимейших своих поэтов. Чествование памяти Некрасова в декабре 1946 г. служит тому наглядным подтверждением.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/